

...

Хиросима имеет три лица – милитаристская столица, жертва ядерной бомбардировки и город мира. Шестьдесят лет назад она была процветающим военным центром, который развивался в ходе многочисленных вооруженных конфликтов. Сорок процентов городских учреждений использовала Армия Японии. Много солдат отправляли на фронт из южного порта Хиросимы, который играл роль важного транспортно-коммуникационного пункта. В начале войны японские войска в одностороннем порядке оккупировали Китай и радовались этой победе, но вступив в поединок из США на Тихом океане, испытали поражение в морской битве при Мидвее и должны были отойти вплоть до Окинавы. В 1945 году почти все большие японские города бомбировала американская авиация, однако милитаристская Хиросима оставалась нетронутой. Сегодня я понимаю, что ее „берегли“ для ядерного удара.

6 августа 1945 года американский самолет „Енола Гей“ сбросил одну бомбу на Хиросиму. Это была ядерная бомба. Ее взрыв забрал жизнь 200 тысяч человек и нанес ущерб 300 тысячам обитателям города. Думаю, вы можете представить себе разрушительную силу бомбы: в эпицентре взрыва температура воздуха достигала 3000 – 4000 °С, а железо плавится при температуре 1500 °С; скорость ударной волны достигала 300 м/с, а человек не устоит даже во время тайфуна скоростью 50 м/с... Разрушительная волна снесла все дома в радиусе 3 км.

В то время я была четырнадцатилетней школьницей. Все мужчины были на фронте и рабочих рук не хватало. Нас вынуждали работать на военном заводе, где мы ежедневно производили боеприпасы для пушек вместо уроков. Того рокового дня, 6 августа, на заводе был выходной. Я только что позавтракала дома. Наш дом находился за 1,7 км от эпицентра взрыва. Вдруг, сидя в комнате, я почувствовала мощную вспышку. Она длилась лишь одну третью секунды, но ее тепловые лучи успели испепелить всех людей на улице. Потом прозвучал сильный взрыв и дом задрожал как во время землетрясения. Меня подбросило в воздух и мигом бросило на пол. Потолок с подпорами завалился и поднял такую пыль, что нельзя было дышать. Я думала, что умру, но благодаря тому, что дом был деревянным и одноэтажным, мне удалось спастись, вкарабкавшись с трудом из-под завала. Мое платье превратилось в ветошь, а тело было иссечено обломками стекла и кровоточило. Вокруг стояли развалившиеся дома и повсюду слышались крики: „Помогите!“ Если вы читали мангу „Босоногий Ген“ (*Хадаси но Ген*), то наверняка поймете, что я видела. Те, кто оказались в ловушке под завалами собственных жилищ, горели в огне, а те, кто уцелел, были сильно искалечены и изо всех сил убегали от пожара. Я с мамой прибежала к ближайшему парку. В поисках спасения люди приходили туда друг за другом. Вместо одежды они были в рванине, а их взъерошенные волосы стояли торчком.

Несколько лет спустя мэрия Хиросимы провела выставку рисунков, созданных жертвами бомбардировки на основе их страшного опыта. Меня сильно поразили те картины. В них будто изображено то, что я видела собственными глазами: мужчин и женщин, обгоревшие лица которых напоминали уродливые маски; людей, которые поддерживали в своих руках собственные внутренности или искали глаза, выбитые ударной волной; матерей, которые плача жалели своих младенцев с оторванными ушами и конечностями; людей, обожженная кожа которых треснула и свисала повсюду как старое тряпье... От сильного шока, все эти люди обезумели и изо всех сил бежали куда-то, пытаясь скрыться от страшной беды.

Между тем пожар разрастался, поглощая сваленные дома. Гасить его было никому, поскольку все были ранены. Хиросима утонула в огне и за один вечер превратилась в пожарище. Под конец заморосил дождь, который лил большими, черными и жирными каплями. Он шел из тучи, которая образовалась после взрыва в результате поднятия ударной волной в воздух тон радиационной грязи и пыли. Мы радовались прохладному дождю, думая, что это помощь Небес, и купались в нем, не зная, что он опасен. Ночью тех, кто намок, стала бить лихорадка, хотя на улице стояло теплое лето. От нее умерло много раненых из нашего лагеря, которые так и не дождались утра.

На следующий день мы вдвоем с мамой пошли искать моего отца. Он работал неподалеку эпицентру взрыва и погиб, но мы этого не знали, поэтому ежедневно разыскивали его среди пепелищ. В моем бедре торчал треугольный обломок стекла и я ходила, с болью волоча ногу. Едва слышав наши шаги тяжело раниные на завалах умоляли напоить их и кричали: „Воды! Воды!“. Эти люди умирали, жалуясь не на боль или страдание, а только жажду. Их души и тела были обезвожены огнем. Сегодня образ этих людей напоминает мне умершего за нас на кресте Иисуса Христа, который также в муках воскликнул: „Пить!“.

Считалось, что нужно кремировать умерших. Собрав хворост, уложив трупы и облив их керосином, мы сжигали их всех – от симпатичного соседского мальчика до абсолютно незнакомого прохожего. Целая Хиросима была большим кладбищем – повсюду лежали кучи костей.

Почему погибло так много людей? Дело в том, что перед ядерной бомбардировкой город готовился к обычному налету и вел работы из сношения легковоспламеняющихся домов и прокладки спасательных дорог. На этих работах было занятл много школьников, особенно девушек. Во время взрыва практически не было никаких защитных сооружений, где можно было спрятаться, потому многие погибли. На месте домов, которые были снесены в ходе предыдущих работ, солдаты выращивали сладкую картошку и после ядерного взрыва те, кто выжил, выкапывали их и ели ежедневно.

Однако за несколько недель начались страшные вещи. У людей которые не испытали ранений и были здоровыми, внезапно шла кровь из носа, был понос и выпадали волосы. Они умирали из-за лучеврй болезни, вызваную радиацией, которую принес с собой ядерный взрыв. Мой товарищ также умер от этой болезни. Он мучался и не давал никому спать ночью. Истощенная мать ругала сына в беспамянстве, говоря, чтоб он дал ей хоть немного вздремнуть, но мальчишка, плача, отвечал: „Это не моя вина, что я заболел! Верните мне здоровье! Я хочу жить!“. Эму было лишь шесть лет. Вскоре он умер.

Среди пострадавших были также немало юных девушек, которые потеряли красоту из-за тяжелых ожогов на лице. Этих девушек называли „девами ядерного взрыва“, потому что они были вынуждены вести уединенную жизнь. Одна из них составила следующее стихотворение „О улыбка, вернись!“:

*Холодную судьбу приняла я,
Живую в горести и одиночестве.
О, исцезевшая девечья улыбка
Вернись же опять, в будущем!*

Сегодня эти женщины являются живыми свидетелями трагедии в Хиросиме. Они работают послами мира по всему миру, призывая к уничтожению ядерного оружия.

....

Я приняла благодать крещения за 4 года после бомбардировки. Получив возможность молиться за упокий

умерших и мир, я наконец получила душевный покой. С тех пор я чувствую необходимость нести всем людям кричащее послание Хиросимы от имени погибших.

В современном мире запасено свыше миллиона ядерных бомб, равных той что была сброшена на Хиросиму. Как свидетель ядерной бомбардировки и жительница Хиросимы, я считаю, что следует постоянно напоминать о том, что ядерное оружие уничтожит человечество. Нужно говорить о том, что случилось 6 августа 1945 года.

Война разрушает, а мир возобновляет разрушенное. В отношениях между друзьями ненависть и споры разрушают доверие, а осознание своей слабости, молитва и взаимопомощь, выстраивают мир. Желаю, чтобы каждый из нас, молясь, задумался над тем, что он может сделать для созидания мира. На конец, хотелось бы завершить этот рассказ песней „Не допустим ядерной бомбардировки“:

Родина моя – пожарище пустое.

Там, где мать похоронил я, белоцвет цветет...

Недопустим очередной ядерной войны!

Остановим во всем мире страх войны?!

Автор:

Хаттори Сецуко,

прихожанка Римо-католической церкви Нобори, м. Хиросима;
мать Хаттори Дайсуке, священника, римо-католической церкви м. Фукуяма.

Перевод:

Александр Коваленко,

аспирант Хиросимского университета.